

Soviet Jewish Community Strategies, Concerning Memory Perpetuation (Erection of Memorials to Jews-Fascism Victims Case Study)

¹ Aleksandra Cherkasski

² Leonid Terushkin

¹ Institut für Diaspora- und Genozidforschung Fakultät für Geschichtswissenschaften
Ruhr-Universität Bochum Universitätstr. 150 44801 Bochum, Germany

² Russian Scientific and Educational Center "Holocaust", Russian Federation

Abstract. The article, case studying the memorials erection, shows the process of Jews, victims of Nazism memory perpetuation by the Jewish Community within the Soviet Republics in postwar, what difficulties the Jewish Communities and groups of initiators faced, trying to prove the Jewish identity of the graves and gain adoption of Jewish symbols on memorials and memorial signs to fascism victims.

Keywords: fascism victims; Jews; memorials.

Введение. В Советском Союзе понятие «еврей» имело два разных значения. Первое – национальный признак, этническая принадлежность, второе – одно из вероисповеданий. Формально по национальному признаку советские евреи обладали всеми правами и обязанностями, как и другие национальности, проживавшие на советской территории. Более того, после основания Еврейской автономной области в 1934 г. пять депутатов от этой национальной территории стали входить в Совет Национальностей Верховного Совета СССР [1, 2]. Таким образом, с 1934 г. советские евреи являлись уже не только этнической, но и формально обладающей территорией национальностью [3, с. 77; 4, с. 81]. Что касается вероисповедания, то так как в Советском Союзе фактически с 1918 г. и законодательно с 1929 г. было жесткое разделение между государством и церковью, то вся духовная деятельность всех конфессий состояла под надзором специально для этого созданной инстанции (инстанций), с 1943/1944 гг. – Совета по делам религиозных культов и Совета по делам русской православной церкви, позже Совета по делам религий. Исходя из этого, все действия официально зарегистрировавшихся еврейских (иудейских) религиозных общин и обществ диктовались и контролировались непосредственно этими инстанциями. Религиозные обряды происходили в основном в стенах молельного здания, не выходя за его пределы (либо, как исключение, выпечка мацы и кошерная резня скота). Тем самым главной возможностью памяти о своих родственниках и близких еврейского религиозного и нерелигиозного населения являлась поминальная молитва во время религиозной службы из-за отсутствия общих других легальных форм сохранения памяти. Были также попытки со стороны еврейских общин установить памятники на кладбищах либо непосредственно на местах гибели жертв. Но так как это выходило за границы возможностей еврейских общин, им предписанных и разрешенных действий, с одной стороны, а установка памятников была государственным делом – с другой, они часто сталкивались с препятствиями со стороны не только их непосредственно контролирующих отделов по делам религий, но и местных властей.

Дело в том, что установка памятников до середины 1950-х гг. входила в компетенцию отделов коммунального хозяйства. После создания Министерства культуры СССР в 1953 г. и его территориальных органов дело установки памятников перешло под их контроль. [5, с. 121-122]. Кладбищенское дело административно продолжало относиться к отделам коммунального хозяйства. Фактически конфессиональные кладбища или конфессиональные участки на общих кладбищах в связи с большим объемом работы зачастую были переданы для ухода и благоустройства религиозным общинам [6, с. 35-41]. То есть религиозный ритуал (обряд) в форме (ежегодных) поминок и специфической символики на надгробных плитах и памятниках в некоторых местах был вынесен за пределы, которые предписывались отделами по делам религиозных культов (по делам религий). Кладбища — даже конфессиональные — в отличие от молельных зданий не входили в компетенцию Совета по делам религиозных культов (по делам религий). Во избежание административной путаницы в 1947 году на объединенном Совете по делам религиозных культов и Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров Союза ССР обсуждался этот вопрос и было решено, что кладбищенское дело находится под надзором органов коммунального хозяйства и „в силу этого вопрос о состоянии кладбищенского хозяйства не может входить в компетенцию работы обоих Советов“ [6, с. 20]. Таким образом, многие конфессиональные кладбища стали так называемой „серой зоной“, в которой при условиях передачи территории кладбища религиозной общине под уход, было возможно увековечить память родных и близких, погибших во время Второй мировой войны. Установка памятников в общественных местах или на местах братских могил религиозным группам без соответствующих разрешений была невозможна. Попытки действовать вопреки этому порядку

часто заканчивались для инициативных групп и отдельных лиц судебными процессами и, как правило, сроками заключения («Яма», Минск) и сносом памятников (Понары) [7, 8, с. 600-601]. Одним из ярких примеров стал памятник на месте массового уничтожения евреев в Литве под Вильнюсом – в Понарах. После краха польского государства Вильнюс был присоединен в октябре 1939 г. к Литве. И туда хлынуло большое количество беженцев, в особенности со стороны Польши, оккупированной Германией, а также с новоприобретенных Советским Союзом западных территорий Украины и Белоруссии. В 1940 г. страны Прибалтики были присоединены к Советскому Союзу. Как ненадежные элементы подверглись депортации в лагерь в глубине России многие представители местного населения, в том числе и евреи [9]. Ирония этих депортаций такова, что большая часть депортированных осталась в живых, они избежали поголовного истребления еврейского населения германскими оккупантами и их сообщниками. Вильнюс испокон веков был одним из центров еврейской культурной и религиозной жизни, носил название «Литовский Иерусалим», количество евреев в Вильнюсе на середину 1941 года составляло 60000 человек [10]. Во время германской оккупации Литвы для евреев были созданы гетто. В вильнюское гетто попали не только жители города, но и жители окрестных городов, сел и деревень. Понары – железнодорожная станция примерно в 10 километрах от Вильнюса, где до нападения Германии на Советский Союз было подготовлено место, вырыты ямы под резервуары горючего для запланированного военного аэродрома [8, с. 578]. Во время оккупации Литвы ямы в Понарах использовались для уничтожения советских военнопленных и мирного населения и позже сжигания останков жертв. Всего 100000 жертв, из них 70000 евреев, включая большую часть узников вильнюского гетто. После освобождения Литвы от германской оккупации и с возвращением эвакуировавшихся и успевших бежать жителей Вильнюса назад, начались попытки восстановления еврейской жизни в городе и сохранения памяти о трагедии евреев. На местах массового уничтожения проводились памятные митинги. В 1945 г. в Понарах был поставлен памятник [8, с. 600-601] с надписью на идиш и русском языках: "Понары. Вечная память погибшим евреям Вильнюса и другим евреям от рук немецко-фашистских убийц, злодейских врагов человечества"(на идиш). Под идишским текстом далее следует фраза на иврите: "Голос крови невинных вопиет из земли. Отомстим кровной мстью за пролитую кровь мучеников". Вторая фраза, конечно же, не могла быть переведена на государственный язык в связи с ярко выраженной религиозной и национальной подоплекой текста. (Более подробное разъяснение о подобном понятии мучеников в еврейской религиозной терминологии последует ниже). И в 1944 г. был организован еврейский музей в городе Вильнюсе, просуществовавший до 1949 года [11, с. 11]. С началом кампании против "безродных космополитов" 10.06.1949 года Совет Министров Литовской ССР закрыл еврейский музей своим постановлением № 411 "О реорганизации Еврейского музея в Вильнюсе в Вильнюсский краеведческий музей", и его материалы были переданы частично в Историко-революционный музей и другие документы – в Государственный архив [11, с. 16]. Да и памятник простоял недолго. В 1952 г. он был снесен. Впоследствии, в 1959 г., к 15-летию освобождения Литвы от нацистского режима, в Понарах открылась маленькая выставка, которая была частью Вильнюсского музея, позже – отделом Музея Революции [12].

На ежегодно санкционированных памятных мероприятиях главным образом поминался героический побег узников из лагеря Понары, который как часть сопротивления советского народа являлся знаком советской идеологической верности и борьбы против "врага всего человечества – варварского фашизма". Памятник в советской манере – стела сверху с пятиконечной звездой, окруженная лавровым венком – символом победы – и стандартной надписью "жертвам фашистского террора 1941–1944", как и многие другие памятники Великой Отечественной войне, – на русском и литовском языках был установлен в начале 1970-х гг. Только в 1991 г. там был добавлен памятник с еврейской символикой и текстом, упоминающим о еврейских жертвах на идише и иврите на лицевой стороне и литовском, русском и английском языках на обратной: "Вечная память убитым и сожженным здесь, в Паняряй, 70000 евреев Вильнюса и его окрестностей нацистскими палачами и их пособниками".

Этот памятник был сооружен семьей Эпштейн из Израиля.

Фотоархив А.Черкасски: Понары 2011

Фотоархив А.Черкасски: Понары 2011

История памятника в Понарах весьма репрезентативна для всего Советского Союза с послевоенного периода вплоть до 1980-х годов. Как выше сказано, сооружение памятников в общественных местах являлось государственным делом. Таким образом, частные памятники могли быть поставлены только на кладбищах, да и то с разрешения властей.

На еврейском кладбище города Каунас в 1979 г. были перезахоронены останки жертв из бывшего каунасского гетто и поставлена скромная надгробная плитка. Она содержит традиционную еврейскую похоронную символику – звезду Давида и буквы "пе" и "нун" – акронимы, обозначающие на иврите "здесь покоятся/ похоронены" (по нитма или по никбар) – и с надписью на трех языках: идиш, русском и литовском. Текст на идише гласит: "Там покоятся останки/прах (жителей) гетто Каунас, которые были замучены и сожжены 12–24.07.1944. Они были в 1979 году перезахоронены." На русском языке: "Жертвы фашистских злодеев при сожжении гетто 12–22 июля 1944 г. Останки перенесены из гетто в 1979 г." И на литовском: "Здесь похоронены евреи, умершие в 1944 году, когда нацисты с 12–24 июля сожгли каунасское гетто. Останки были перенесены в 1979 году." Четкий национальный признак жертв виден только по литовскому тексту, хотя на идиш и на русском языке присутствует слово «гетто» и дата «1944 год», которые, хоть и не открыто, но явно указывают на национальную принадлежность жертв.

Есть также примеры, когда на русском языке эксплицитно указываются еврейские жертвы, как на кладбище города Куренец Белорусской ССР. В середине 1941 г. в городе Куренец проживало евреев – 1131. После нацистской оккупации, как и в других местах, в городе было организовано гетто. 09.09.1942 г. его ликвидировали и оставшихся жителей уничтожили [17]. На территории кладбища в 1955 г. был воздвигнут памятник. Бетонный памятник, выполненный в традиционной советской форме, сверху с красной пятиконечной звездой, внешне напоминающий памятники павшим солдатам. Текст выбит на памятнике только на русском языке: "Здесь покоятся 1040 человек еврейской национальности м. Куренец, зверски замученных фашистскими захватчиками. 1942 г." [18]

© URJC 2004

© URJC 2004

<http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>

<http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=003.jpg&type=3>

В качестве очень показательного примера хотели бы описать памятник, поставленный в Любче Белорусской ССР. Накануне германской оккупации население Любчи состояло на 90% из евреев. Большая часть из них была в начале оккупации вывезена в Новогрудок и другие города на разные работы, где впоследствии была уничтожена. Оставшихся в гетто евреев общим числом 1531 человек в июне 1942 г. расстреляли, среди них стариков и детей [19]. На кладбище, которое также является местом массового расстрела, была в советское время поставлена надгробная плита с выбитой пятиконечной звездой, на которой изображены серп и молот, и ниже следует надпись на русском языке: „84 человека, зверски замученные немецко-фашистскими палачами. 1941–42 года“. Ни форма надгробной плиты, ни текст не представляют на первый взгляд никаких свидетельств о национальности уничтоженных жертв. Единственный намек о еврейских жертвах – это выбитые буквы «З» и «Л» между советской символикой и надписью. На иврите акроним «Зал» употребляется при упоминании погибших, в особенности, когда речь идет о еврейских мучениках в религиозном смысле. Мучениками по религиозному определению являются те, кто погиб во времена религиозных преследований. А со времен первого крестового похода это обозначение распространяется на всех евреев, уничтоженных за их принадлежность к иудаизму [20]. Таким образом, погибшие во время Холокоста рассматриваются в

еврейской традиции как мученики. Даже если эти буквы были позже выбиты на памятнике, то для религиозных посетителей они были явным знаком о принадлежности жертв. Авторы надписи, как видно, обладали детальными знаниями о религиозных обрядах. Хотя памятник в Любче на первый взгляд не дает никаких особых сведений о самих жертвах, все же эта малозаметная религиозная символика свидетельствует не только о еврейских жертвах, но также о весьма чутком ее понимании авторами. С одной стороны, был создан нейтральный памятник, не вызывающий никаких подозрений, которые могли бы привести к неприятностям в отношениях с местными властями, а с другой – авторы оставались верными себе и увековечили память уничтоженных своих родных и близких.

Надо отметить, что еврейская общественность отнюдь не всегда была одинока в своих усилиях по установке памятных знаков и мемориализации памяти о жертвах Холокоста. Неравнодушные подвижники-энтузиасты встречались среди представителей разных национальностей. К сожалению, их усилия не всегда приводили к ожидаемым результатам. Здесь хочется рассказать о сооружении памятника в г. Рославль Смоленской области РСФСР на месте расстрела узников гетто в 1942 г.

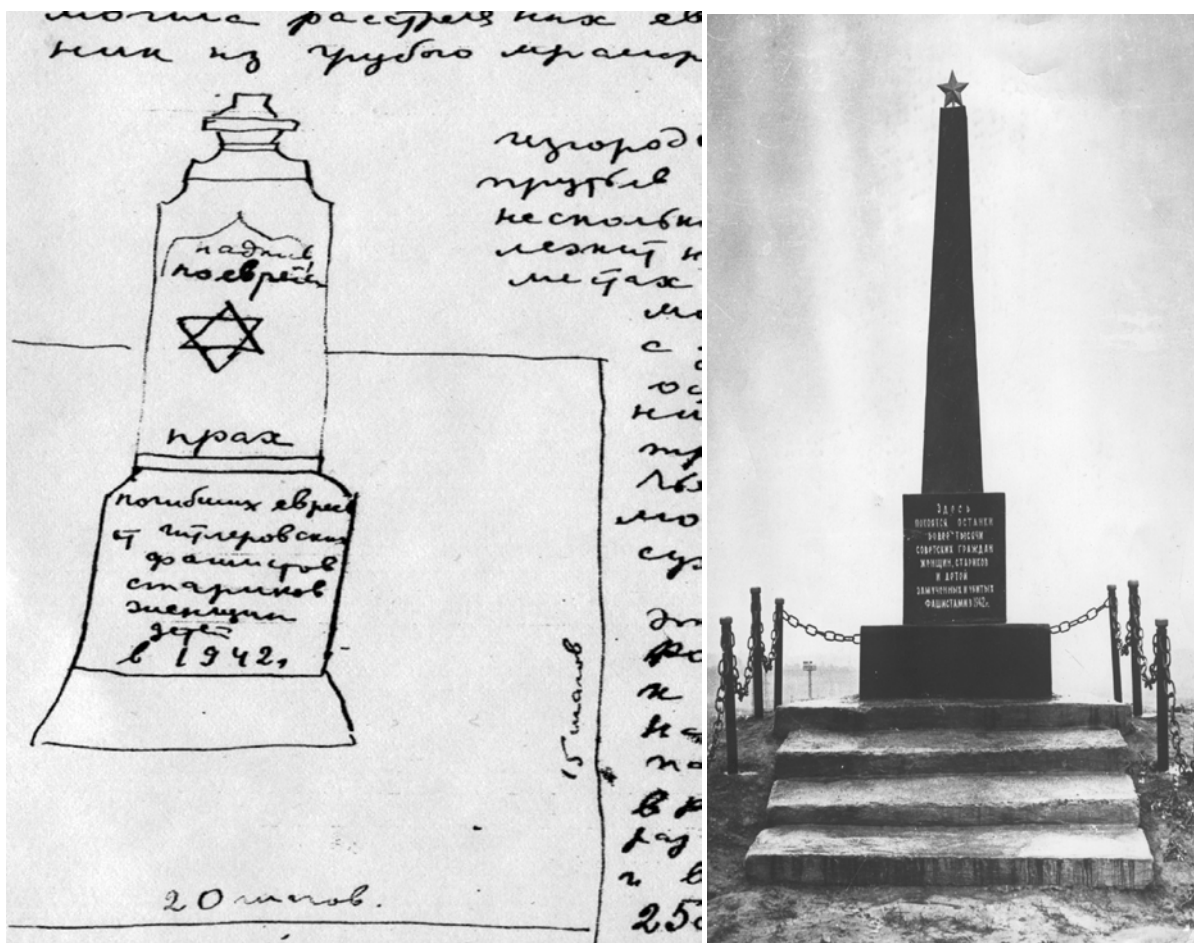
Инициатива сооружения памятника принадлежит Елене Алексеевне Ивановой (1896–1972), внучатой племяннице Ф.М. Достоевского. Она была широко известна на Брянщине и Смоленщине: педагог, историк-краевед, собирательница документальных свидетельств о партизанах и подпольщиках Великой Отечественной. Последним делом ее жизни, занявшем более десяти лет, стал сбор свидетельств о Холокосте и еврейском сопротивлении. На рубеже 1960–1970 гг., когда на эту тему в СССР было наложено негласное табу, Е.А. Иванова готовит к печати рукопись «Положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг.» [21]. (Рукопись опубликована в 2012 г., см. ссылки 22–24).

Один из важных сюжетов рукописи – ситуация с памятниками жертвам Холокоста и инициативой по их установке в середине 1960-х гг. Местный житель, встреченный в Рославле на еврейском кладбище в 1964 г., рассказал Е.А. Ивановой: «Мой тесть и я ставили памятник на общей могиле расстрелянных евреев в 1946 или 1947 году. Ставили от еврейской общины. Теперь она не существует. Никто не следит за могилой, и там все пришло в запустение». О действиях самой Ивановой узнаем из ее примечания: «Стоял памятник из грубого мрамора. Изгородь ... пришла в разрушение. Несколько звеньев ее лежат на земле. Во многих местах прутья исчезли. Население растащило их для хозяйственных нужд. Могильный холм сровнялся с землей – только осталась покатошь к низу, поросшая травой. Видно, что здесь паслась корова: лежат лепешки сухого навоза. Такова была картина в 1964 году. Видно было, что рославльскому начальству нет никакого дела до

исторических мест. Тогда я начала хлопотать о памятнике. Евреи быстро поддержали меня, собрали деньги. Через четыре года – в 1968 году – был открыт памятник» [22].

Разумеется, все было не просто и замысел Е. Ивановой не был реализован так, как ей хотелось, несмотря на то, что об ее усилиях писали в еврейских газетах во Франции и Польше. В ее рукописи есть рисунок проекта памятника в Рославле. Видно, что на памятнике планировалось изображение Звезды Давида, надпись на русском языке «Прах погибших евреев от гитлеровских фашистов, стариков, женщин, детей в 1942 г.» и надпись «по-еврейски» [23]. Установленный памятник ничего общего не имел с проектом Е.А. Ивановой и ее еврейских друзей из разных городов СССР. Стандартная пирамида с пятиконечной звездой с надписью «Здесь покоятся останки более тысячи советских граждан – женщин, стариков и детей, замученных и убитых фашистами в 1942 г.» [24].

Проект Е. А. Ивановой «Памятник в Рославле»

Заключение. В целом можно назвать следующие стратегии, которые использовались советской еврейской общественностью по увековечиванию памяти своих родных и близких, помимо службы в синагогах. Так как установка памятников в общественных местах была невозможна без неприятных последствий для авторов, инициаторов и для памятника, то все же существовала так называемая "серая зона" – кладбища, которые были переданы еврейским общинам под уход. Это, однако, не означало, что еврейские общины были свободны в своих действиях. Они все еще должны были согласовывать свои намерения с местными властями, которые далеко не всегда приветствовали указания на принадлежность жертв. Таким образом, авторы памятников были в некоторых местах вынуждены не указывать на национальность уничтоженных, а лишь намекать. Способом намека служил порой язык идиш (иврит в СССР был почти запрещен) либо, как в последнем примере, авторы проявляли более творческий подход к делу.

Примечания:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР об избирательных округах по выборам в Совет Национальностей // Правда, № 248, 17.10.1945.
2. URL: http://www.knowbysight.info/1_SSSR/07705.asp.
3. Диманштейн С. В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // Революция и национальности. № 10, 1935. С. 77.

4. Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. S. 81.
5. Государственный архив г. Киева (далее – Госархив г. Киева) Ф. Р-987, Оп. 1, Д. 143, Л. 121-122.
6. Archiv Yad Vashem Ф.М. 46, Д. 31, Л. 35-41.
7. Герасимова И.Г. Новая история старого памятника// Мишпоха. № 22, С. 90-98; URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>;
8. Аграновский Г., Гузенберг И. Вильнюс: По следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Путеводитель. Вильнюс, 2011. С. 600-601.
9. Arad Y. Concentration of Refugees in Vilna on the Eve of the Holocaust// Yad Vashem Studies 1973, Nr. 9. P. 201-214.
10. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=10920&query=>; Краткая Еврейская Энциклопедия, том 1+Доп.2, кол. 667-671+279-281.
11. Марголис Р. Начало// Еврейский Музей, Вильнюс, 1994. С. 11.
12. URL: <http://www.jmuseum.lt/index.aspx?Element=ViewArticle&TopicID=157>
13. URL: www.eja.pri.ee
14. URL: www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html
15. Евстафьева Т. Бабий Яр во второй половине двадцатого века // Бабий Яр: человек, власть, история. Кн. 1. Историческая топография, хронология событий. Киев, 2004. С. 191-203.
16. Менахем Баркан, Латвия. Карта памятных мест еврейской истории. Синагоги, еврейские кладбища, места захоронения жертв Холокоста. Рига, 2005.
17. Вершицкая Т.Г. Куренец // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. 2-е изд., М., 2011. С. 498-499.
18. <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>
19. Вершицкая Т.Г. Любча // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. 2-е изд., М., 2011. С. 255-257.
20. "Десять мучеников". КЕЭ, т. 2, кол. 342; URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=11414&query=%CC%D3%D7%C5%CD%C8%CA>
21. Архив НППЦ «Холокост». Ф. 46. Оп. 1. Д. 37.
22. Иванова Е.А. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг. // Составители: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова. М. – Ростов-н/Д, 2012. С. 103-104.
23. Там же, илл. вклад. 14.
24. Там же, илл. вклад. 15.

УДК 93/94

**Стратегии советской еврейской общественности
по увековечиванию памяти на примере установки
памятников евреям-жертвам фашизма**

¹ Александра Черкасски

² Леонид Терушкин

¹ Рурский университет Бохума, Германия

² Российский научно-просветительский Центр «Холокост», Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе конкретных примеров установки памятников показано, как происходило увековечение памяти еврейских жертв нацизма на территории советских республик в послевоенный период со стороны еврейской общественности, с какими трудностями сталкивались еврейские общины и просто инициативные группы граждан в своих усилиях подчеркнуть еврейскую принадлежность захоронений и добиться утверждения еврейской символики на памятниках и памятных знаках жертвам фашизма.

Ключевые слова: жертвы фашизма; евреи; памятники.